

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (19)

2017

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь– кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов**– вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов**– член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф**– доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров**– кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)**П. Георгиев**– доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков**– доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин**– член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк**– PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор**– доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин**– академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

- R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. A. Vybornov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

- Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).*
На стыке двух тысячелетий (Марийской археологической экспедиции 60 лет)..... 8
- Житенев В.С. (Москва, Россия).*
Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере (Южный Урал)..... 18
- Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).*
Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan)..... 26
- Выборнов А.А. (Самара, Россия).*
Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья 38
- Чижевский А.А., Шпилов А.В. (Казань, Россия),
Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия).*
Итоги исследования Каентубинской Островной стоянки в 2004 году 50
- Королев А.И., Шалапинин А.А. (Самара, Россия).*
Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье..... 71
- Патрушев В.С. (Казань, Россия).*
«Текстильная» керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы)..... 92
- Савельев Н.С. (Уфа, Россия).*
О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э..... 114
- Иванов В.А. (Уфа, Россия).*
Памятники эпохи раннего железного века - средневековья Южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь)..... 130
- Лукпанова Я.А. (Уральск, Казахстан).*
Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога..... 145
- Алтынбеков К., Досаева Д.К. (Астана, Казахстан).*
Опыт реконструкции «археологического» костюма..... 157
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).*
Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II 172
- Вихляев В.И. (Саранск, Россия).*
Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры ... 205

<i>Красноперов А.А., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).</i> Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. н. э.	216
<i>Голдина Е.В., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).</i> Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование	238
<i>Останина Т.И. (Ижевск, Россия).</i> Наборные пояса из Кузбаевского клада VII века	257
<i>Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Работы Марийской археологической экспедиции по изучению средневековых древностей Поветлужья	272
<i>Белавин А.М., Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия).</i> Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв.	284
<i>Акилбаев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Смена инвентаря в погребениях середины XI–XIII веков могильников Нижнего Поветлужья	298
<i>Михеев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> К методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МарАЭ)	311
<i>Кузьминых С.В. (Москва, Россия),</i> Марийская археологическая экспедиция: люди и судьбы	327

Критика и библиография

<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).</i> Рецензия на монографию: Мордовские племена накануне великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV Вв.): монография / В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, О.В. Седышев, А.Н. Сомкина; Мордов.гос. пед. ин-т. . Саранск, 2016. 195 с.	339
---	-----

Хроника

<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия).</i> Научная конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации»	347
<i>Никитина Т.Б., Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> О работе межрегиональной научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия»	357
Список сокращений	360
Правила для авторов	363

CONTENTS

Researches and Publications

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
 On the Turn of Two Millennia
 (60 Years of the Mari Archaeological Expedition) 8

Zhitenev V.S. (Moscow, Russian Federation).
 New Evidence of Serpentine Raw Material Exploitation
 in the Kapova Cave (The Southern Urals) 18

Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).
 Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites
 of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum
 of Tatarstan Republic, Kazan). 26

Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).
 Controversial Questions of the Early Neolithic Studies
 in the Mari Volga Region 38

*Chizhevsky A.A., Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation),
 Kaplenko N.M. (N. Chelny, Russian Federation).*
 Study Results on Kaen-Tube Island Site in 2004 50

Korolyov A.I., Shalapinin A.A. (Samara, Russian Federation).
 Lebyazhinka VI Settlement: Eneolithic Site in the Forest-Steppe Volga Region 71

Patrushev V.S. (Kazan, Russian Federation).
 “Textile” Ceramics of Mari Volga (by the Materials of Excavations
 on the Bronze Age Settlements) 92

Savelev N.S. (Ufa, Russian Federation).
 On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures
 in the Urals in the Ist Millennium BC 114

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation).
 Early Iron Age and Medieval Sites in the Southern Ural Region:
 Context of Sources (Forest and Forest-Steppe) 130

Lukpanova Ya.A. (Ural'sk, Kazakhstan).
 Reconstruction of Female Costume From the Elite Burial Ground
 Taksay-I: a View of the Archaeologist 145

Altynbekov K., Dosayeva D. (Astana, Kazakhstan).
 Experience of a Reconstruction of "Archaeological" Costume 157

Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).
 Chronology of 3rd–5th Centuries Male Graves
 from the Tarasovo Burial Ground 172

Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation).
 Mordovian Cemeteries of 3rd–5th Centuries and the Unity
 of Their Early Culture 205

<i>Krasnopeorov A.A., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Female Headdress from Dubrovskiy Burial Ground of 4 th –5 th Centuries	216
<i>Goldina E.V., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Beads of the Dubrovskiy Burial Ground (4 th –5 th Centuries A.D.) in the Middle Kama Region: Classification and Use.....	238
<i>Ostanina T.I. (Izhevsk, Russian Federation).</i> The Seventh Century Composite Belts from Kuzebaev Hoard	257
<i>Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Progress of Mari Archaeological Expedition in Study of Medieval Antiquities of Vetluga Region	272
<i>Belavin A.M., Krylasova N.B. (Perm, Russian Federation).</i> Ancient Russian Materials in the Perm Cis-Urals During the 10 th –11 th Centuries	284
<i>Akilbaev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Change of Grave Goods in the Middle 11 th –13 th Centuries in the Burial Grounds in the Lower Vetluga Area	298
<i>Mikheev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Delineating Sites of Archaeological Heritage: Methodology Based on Endeavours of the Mari Archaeological Expedition	311
<i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Mari Archaeological Expedition: People and Destinies	327

Critics and Bibliography

<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).</i> Review of the Monograph: Mordvinia's Tribes on the Eve of the Great Migration (Ust-Uzinsky Burial 3 rd –4 th Cent.): Monograph / V.V. Grishakov, S.D. Davidov, O.V. Syedyshev, A.N. Somkina. Saransk, 2016. 195 P.....	339
--	-----

Chronicle

<i>Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation),</i> <i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Scientific Conference 'Ananyino World: Cultural Space, Connections, Traditions and Innovations'	347
<i>Nikitina T.B., Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> On Proceedings of the Inter-Regional Scientific Conference on Conservation and Popularization of Archaeological Heritage	357
List of Abbreviations.....	360
Submissions	363

Критика и библиография

УДК 903.59

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: МОРДОВСКИЕ ПЛЕМЕНА
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
(УСТЬ-УЗИНСКИЙ МОГИЛЬНИК III–IV ВВ.):
МОНОГРАФИЯ / В. В. ГРИШАКОВ, С.Д. ДАВЫДОВ, О.В. СЕДЫШЕВ,
А.Н. СОМКИНА; МОРДОВ. ГОС. ПЕД. ИН-Т. САРАНСК, 2016. 195 С.**

© 2017 г. В.В. Ставицкий

В рецензируемой монографии опубликованы материалы 95 погребений Второго Усть-Узинского могильника, расположенного на Верхней Суре. Могильник был оставлен местным древнемордовским населением III–IV вв. н.э. Авторы анализируют обрядность и погребальный инвентарь могильника, реконструируют социальную стратификацию населения, определяют хронологию существования памятника, датируя ранние захоронения III веком, а поздние – началом V в. Основные выводы монографии всесторонне аргументированы, но некоторые нуждаются в уточнении. Судя по планировке могильника, погребения совершались здесь не более 150 лет и самые поздние из них не выходят за пределы первой половины IV в. Социальная стратификация населения носила половозрастной эгалитарный характер, что было обусловлено низкой степенью милитаризации местного населения. Несмотря на дискуссионный характер отдельных положений, монография заслуживает самой высокой оценки.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Верхнее Посурье, позднеримское время, Усть-Узинский могильник, погребальный обряд, хронология, социальная стратификация, древняя мордва.

Важным событием этого года для исследователей финно-угорской археологии стал выход монографии: «Мордовские племена накануне Великого переселения народов», в которой опубликованы материалы многолетних раскопок экспедицией Мордовского пединститута Усть-Узинского могильника. Значение этой публикации обусловлено тем, что это первый практически полностью исследованный древнемордовский могильник III–IV вв., раскопанный в соответствии с современными методическими требованиями. Выразительные материалы 95 усть-узинских

погребений существенно расширили источниковую базу по истории населения Верхнего Посурья в поздне-римское время. Анализ полученных материалов позволит пролить свет на многие спорные вопросы данного периода древнемордовской истории, и их публикация является первым плодотворным шагом, сделанным ее авторами в этом направлении.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и дневника раскопок могильника. Издание подготовлено четырьмя авторами – участниками полевых исследований, но основной объем выполнен В.В. Гришаковым, который участвовал в написании всех разделов, за исключением главы по социальной стратификации. Во введении им кратко анализируется история исследований южномордовских памятников первой половины I тыс. н. э. Поднимается вопрос о разделении генезиса мордовской культуры на два основных периода: 1) древнемордовская культура финала раннего железного века III–IV вв.; 2) средневековая мордовская культура V – первой половиной XV в. На основе анализа погребального инвентаря и размеров могильных ям рассматривается половозрастная структура могильника. При этом к детским захоронениям были отнесены могилы, длина которых не превышает 150 см. Однако, судя по таблице 4, пороговое значение между детскими и взрослыми погребениями находится в интервале 160–175 см. Обычно оно имеет меньшую величину (Ставицкий, 2013), и его превышение, видимо, связано с общими значительными размерами погребений на памятнике. Кроме того, по не объясненным в книге причинам, ряд могил длиной менее 150 см, был

отнесен к неопределенным захоронениям, что привело к занижению количества детских и подростковых погребений на могильнике.

Первая глава монографии (авторы В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов) посвящена погребальному обряду. При оценке планиграфии памятника ими было выделено 11 рядов, однако некоторые из них оказались сгруппированы формально, исходя из расположения могил по линии север–юг. Между тем в юго-западной части раскопа ряд могил имеет отклонение в ориентировке в юго-восточную сторону, вследствие чего могильные ряды располагаются здесь не с севера на юг, а по линии ССВ–ЮЮЗ. Данная поправка устраняет имеющееся несоответствие, когда в девятом ряду оказались сгруппированы погребения, имевшие значительную разницу в хронологии их совершения, что вряд ли могло иметь место в реальности.

Погребальная обрядность памятника анализируется отдельно для мужских, женских, детских и неопределенных погребений, что позволяет уловить разницу в обряде их совершения, хотя общие признаки все же преобладают. Для взрослых погребенных характерна восточная ориентировка, обряд труположения вытянуто на спине, различная степень использование огня, наличие керамических сосудов, расположенных в ногах или головах. В одном из мужских погребений зафиксировано ритуальное разрушение костяка, одно погребение было ограблено в древности. Отличительной чертой детских захоронений является слабое использование огня.

Наибольший объем имеет вторая глава монографии, в которой анализируется материальная культура па-

мятника. В ней авторами разработана детальная классификация погребального инвентаря, каждой из категорий которого найдены многочисленные и убедительные аналогии как в синхронных могильниках мордвы, так и в древностях более отдаленных территорий. Скрупулезная проработанность данного раздела обеспечивает основательность и достоверность сделанных в монографии выводов. Классификация украшений костюма разработана В.В. Гришаковым, С.Д. Давыдовым и А.Н. Сомкиной. Наиболее многочисленны бусы, среди которых преобладает мелкий золотостеклянный бисер. Большинство погребений с подобным бисером справедливо датируются авторами III веком, а единственное захоронение (№12), которое его не содержит – отнесено к началу V века, что не совсем оправдано, поскольку других веских оснований для подобной датировки нет. Кроме краснопастовых бус здесь найдена сьюльгама и височная подвеска с бипиримидальным грузиком, хронология которых по периодизации В.В. Гришакова (2008, с. 131, рис. 15, 6, 8) вполне укладывается в рамки первой половины IV века. Судя по планиграфии могильника, одним из хронологических признаков является количество пластинчатых блях в погребениях. В погребениях раннего участка их обычно по две или даже по три, а поздние захоронения содержат только по одному экземпляру.

Предметы вооружения и конского снаряжения проанализированы В.В. Гришаковым и О.В. Седышевым. Наибольший интерес представляют находки меча и кинжала сарматского типа. Их появление на памятнике авторы связывают с готскими походами,

в результате которых часть сармат вынуждена была покинуть свои прежние территории обитания, в связи с чем наблюдается процесс проникновения ряда сарматских вещей к оседлому населению лесостепной зоны. Позднесарматское влияние справедливо отмечено авторами и в конской узде. В целом же ограниченный набор вооружения в составе погребального инвентаря свидетельствует о низкой степени милитаризации населения, оставившего Усть-Узинский могильник.

Предметы быта и ременная гарнитура в монографии классифицированы В.В. Гришаковым и С.Д. Давыдовым. Весьма представительна коллекция керамики, насчитывающая 61 сосуд, среди которых преобладают горшки (31%), бокалы (29%) и чаши (22%). Менее многочисленны миски (11%) и банки (3%). К оригинальным изделиям, доселе не известным на памятниках данного периода относятся блюда (3%). По справедливому наблюдению авторов, усть-узинская керамика иллюстрирует развитие традиций носителей культуры Андреевского кургана. Отдельного упоминания заслуживают горшки с тюльпановидными очертаниями тулова, близкие сосудам Тезиковского могильника, распространение которых В.В. Гришаков относит ко второй половине IV в. Но на Усть-Узинском могильнике одно из погребений (№ 15) с подобным сосудом датируется временем не позже середины III в. Не исключено, что появление такой керамики на Суре и Мокше, как и сарматского вооружения, связано с последствиями центральноевропейского импульса.

Анализ ременной гарнитуры Усть-Узинского могильника положен в

основу его абсолютной хронологии, которая рассматривается В.В. Гришаковым в третьей главе. Относительная хронология артефактов в монографии устанавливается на основе эволюционных рядов основных типов украшений – височных подвесок, пластинчатых и дисковидных блях, браслетов, скульгам, шейных гривен. Погребальные комплексы памятника распределены по периодам на основе взаимовстречаемости вещей в погребениях. Как уже неоднократно отмечалось автором рецензии, избранный в монографии метод установления хронологии наряду с положительными факторами имеет ряд существенных недостатков. Главным из них является использование для анализа материалов только богатых погребений, содержащих не менее двух хроноиндикаторов, что существенно обедняет источниковую базу исследования. В результате значительная часть погребений либо датируется слишком широко, либо не датируется вовсе. Устранение данных недостатков возможно при учете планиграфии расположения погребений, но в данной главе планиграфический анализ используется недостаточно. Тем не менее, хронология погребальных комплексов, которые содержат необходимое количество артефактов, на наш взгляд, установлена верно, и только отдельные положения нуждаются в уточнении.

Наиболее ранними погребениями на могильнике признаны захоронения 5 и 7. Ранний облик погребения 7, содержащего наконечник из тканной ленты с наложенными друг на друга двумя круглыми полированными пластинчатыми бляшками и двумя полукруглыми цилиндрическими пронизками, не вызывает никаких возражений, чего

нельзя сказать о погребении 5, которое кроме спиральной пронизки не содержит узко датированных вещей. Аргументация раннего возраста пятого погребения преимущественно основана на факте его проседания в засыпку погребения 7. Однако если допустить возможность перекрытия 7-го погребения деревянными плашками, то разница во времени между совершением захоронения и моментом проседания его засыпки может быть довольно существенной. К аналогичному результату могла привести и деятельность грызунов. Кроме того, о достаточно позднем возрасте 5-го погребения свидетельствует набор бус, изготовленных способом нарезания (отшибания) тянутой стеклянной палочки. Помимо этого погребения подобные бусы зафиксированы только в самых поздних захоронениях могильника 12 и 93, что вряд ли случайно. По наблюдениям О.С. Румянцевой, подобные бусы не характерны и для ранних погребений могильников Среднего Поволжья (Румянцев, 2010, с. 279).

На наш взгляд, примерно этим же временем, что и 7-е погребение, датируются расположенные неподалеку погребения 11 и 13. В их инвентаре присутствуют браслеты в 1,5 оборота с ланцетовидными концами и бронзовые пряжки с овальной рамкой, прямоугольной обоймой и наконечниками пояса прямоугольной формы из согнутых вдвое пластин с прорезями или их имитацией на лицевой стороне. Подобные браслеты и пряжки с наконечниками пояса характерны для самых ранних погребений Ражкинского могильника, материалы которых датируются временем не позднее конца II века (Гришаков, Ставицкий, 2015, с. 16–18, рис. 1: 8, 16).

Первой половиной III века, видимо, датируются погребения трех прибрежных (восточных) рядов могильника, которые включены В.В. Гришаковым во 2-ю хронологическую группу. Именно этим временем они продатированы в разделе по классификации бус и в статье более раннего времени (Гришаков, 2008), но в разделе по хронологии предложена более широкая датировка – III веком. На наш взгляд, ко второй половине III века относятся погребения 2-й хронологической группы, расположенные в юго-западной части раскопа, в инвентаре которых отсутствуют ранние формы браслетов в 1,5 оборота с ланцетовидными концами, а также щитковые перстни, круглодротовые браслеты и гривны, парные пластинчатые бляхи.

К IV веку В.В. Гришаковым отнесены погребения 3-й хронологической группы, для которой характерны: пластинчатая бляха с двумя зонами циркульного орнамента и крестовидной накладкой, сюльгамы с невыступающими концами, бронзовая пряжка с рамкой В-образной формы. Данная группа состоит всего из 11 погребений, число которых явно не достаточно для непрерывного функционирования могильника на протяжении целого столетия. По всей видимости, основная часть этих погребений не выходит за пределы первой половины IV века. Данному предположению не противоречит время бытования предметов, выбранных В.В. Гришаковым в качестве хронологических маркеров. Находки сюльгам и В-образных пряжек известны в мордовских погребениях первой половины IV века (Гришаков, 2008, с. 131, 133, рис. 15: 8; 17: 4). Второй половиной IV века

на пензенских памятниках датируются бляхи с крестовидной накладкой (Гришаков, 2008, с. 135, рис. 19: 2), однако по наблюдениям И.Р. Ахмедова и Белоцерковской, время формирования подобных блях в рязано-окских могильниках приходится на вторую половину III – начало IV века (Ахмедов, Белоцерковская, 1998, с. 41). Таким образом, общее время функционирования Усть-Узинского могильника укладывается в период с начала III до середины IV века.

Новаторский характер носит 4-я глава монографии (автор С.Д. Давыдов), посвященная социальной стратификации усть-узинского населения, поскольку ранее данные вопросы исследователями древнемордовских памятников практически не затрагивались. В качестве основного признака социальной иерархии выбрано количество погребального инвентаря, в качестве дополнительного – размеры могильных сооружений. Среди мужских и женских погребений были выделены три имущественные группы. Все неопределенные погребения были отнесены к первой, бедной инвентарем, группе. В первую («бедную») мужскую группу вошли погребения с сосудами, ножами, поясными и обувными пряжками, во вторую («рядовую») – с элементами конского снаряжения и/или топорами, в третью («богатую») – с предметами вооружения. К первой женской группе были отнесены погребения с керамикой, бусами, бисером, височными привесками или наконечниками, ножами и шильями; ко второй группе – погребения, где дополнительно присутствовали бляхи наконечники и/или нагрудные бляхи, шейные гривны и/или браслеты; в третью группу вошли

погребения, где вышеперечисленные предметы встречались единым комплексом.

По итогам анализа С.Д. Давыдовым был сделан вывод о том, что население, оставившее Усть-Узинский могильник, было неоднородным по своему социальному составу. Стратификация имела половозрастной и профессионально-ранговый характер. При этом имущественное расслоение было минимальным и находилось в прямой зависимости от пола, возраста и профессиональной принадлежности. Земледелие в тот период еще не играло заметной роли в хозяйстве древней мордвы, а охота и скотоводство не позволяли накапливать большое количество прибавочного продукта, необходимого для образования сложной социальной организации с имущественным расслоением.

К сожалению, при анализе стратификации не были учтены хронологические факторы, которые в данном случае играют очень важную роль, поскольку самыми богатыми на могильнике являются ранние женские погребения, расположенные в прибрежной зоне памятника. Только одно из этих погребений (№ 53) занимает место в центре раскопа. Следовательно, принятый в монографии критерий «богатства» захоронений является относительным и не отражает истинного положения вещей.

К прибрежной зоне тяготеют и мужские погребения с оружием. Только в ранних погребениях первой половины III века представлены находки удила и другого конского снаряжения на могильнике. Концентрация данных предметов в ранней части памятника, возможно, связана с сохранением некоторых реминисценций андре-

евско-писеральского времени, когда оружие было обязательным атрибутом каждого взрослого мужчины. По всей видимости, главным фактором как имущественного, так и социального расслоения в эпоху «военной демократии» было не развитие земледелия, а организация грабительских походов. Следовательно, основным тормозом социальной стратификации выступала постепенная демилитаризация местного общества, получившая развитие во второй половине III – начале IV века.

В Заключении монографии В.В. Гришаковым подводятся итоги исследования, делается вывод о синхронном сосуществовании в III в. в пензенской группе памятников двух локальных традиций: присурской и примокшанской, обладающих незначительными различиями. Формирование материальной культуры примокшанского населения проходило под воздействием западных импульсов. Генезис культуры присурского населения испытывал большее влияние прикамских (позднепьяноборских) импульсов. Указанные различия объясняются В.В. Гришаковым наличием традиционных связей примокшанского населения с территорией Окского бассейна, а присурского – с Прикамьем.

Поскольку монография была подготовлена к печати давно, в ней, к сожалению, не были учтены результаты последних раскопок Ражкинского могильника, в свете которых сделанные выводы нуждаются в определенной корректировке. В частности, на Ражкинском могильнике получены материалы, которые датируются второй половиной II века, следовательно, Примокшанье было заселено несколь-

ко раньше, чем Верхнее Посурье. При этом в ранних материалах Ражкинского могильника также зафиксировано присутствие прикамского (кара-абызского) компонента, наличие которого объясняется не связями с населением Прикамья, а непосредственным выносом этих традиций переселенцами, поскольку, чем позднее датируются материалы, тем меньше в них фиксируется прикамского влияния, что

актуально и для территории Верхнего Посурья.

Несмотря на дискуссионный характер отдельных положений, высказанных авторами монографии, подготовленное ими издание, безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Не сомневаюсь, что данная монография на ближайшие годы станет настольной книгой для всех исследователей ранней истории волжских финнов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 96 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1998. С. 32–42.
2. Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.
3. Гришаков В.В., Ставицкий В.В. Хронология древнемордовского Ражкинского могильника // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей II Международной научно-практической конференции / Ред. О.В. Ягов. Пенза: РИО ПГСХА, 2015. С. 14–19.
4. Румянцева О.С. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 277–300.
5. Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская Археология. 2013. № 2. С. 143–150.

Информация об авторе

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH: MORDVINIA'S TRIBES ON THE EVE OF THE GREAT MIGRATION (UST-UZINSKY BURIAL 3RD–4TH CENT.): MONOGRAPH / V.V. GRISHAKOV, S.D. DAVIDOV, O.V. SYEDYSHEV, A.N. SOMKINA. SARANSK, 2016. 195 P.

V.V. Stavitsky

The reviewed monograph publishes materials from 95 burials of Ust-Uzinski cemetery II located on the Upper Sura. The cemetery was left by the local early Mordvinian population in the 3rd – 4th centuries AD. The authors analyze the rites and grave goods and reconstruct the social stratification of the population. They suggest the chronology of the site and date the earliest grave by the 3rd century, and the latest – by the early 5th century. The main conclusions of the monograph are comprehensively substantiated, though some require further clarification. Judging by the planigraphy of this cemetery, burying activity took not more than 150 years here, and the latest graves cannot be any older than the first half of the fourth century. Social stratification was egalitarian by age and gender, which was due to a low

degree of militarization of the local population. Despite the controversial nature of certain theses, the monograph is highly commendable.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Upper Sura, late Roman times, Ust-Uzinsky cemetery, funerary rite, chronology, social stratification, early Mordvinians

REFERENCES

1. Akhmedov, I. R., Belotserkovskaia, I. V. 1998. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 96. Moscow: State Historical Museum, 32–42 (in Russian).
2. Grishakov, V. V. 2008. In Stavitskii, V. V. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 82–137 (in Russian).
3. Grishakov, V. V., Stavitsky, V. V. 2015. In Iagov, O. V. (ed.). *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk (Recent Issues of Humanities and Social Sciences)*. Penza: Penza State Agricultural Academy, 14–19 (in Russian).
4. Rumiantseva, O. S. 2010. In Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Problems and Materials)*. Series: Ranneslavianskii mir. *Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 277–300 (in Russian).
5. Stavitskii, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 143–150 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V., Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в номер 31.12.2016 г.